

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

АМБИВАЛЕНТНАЯ РОЛЬ УВЛЕЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРОЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГИБРИДНЫХ МАСКУЛИННОСТЕЙ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ИЗ СЕМЕЙ С НИЗКИМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ¹

Максим Павлович Котельников (maximant13@yandex.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Котельников М.П. (2025) Амбивалентная роль увлечения литературой в формировании гибридных маскулинностей молодых людей из семей с низким социально-экономическим статусом. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 146–176. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.7> EDN: KMONJM

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-культурных причин, влияющих на выбор «литературных» специальностей молодыми людьми из семей с низким социально-экономическим статусом, а также противоречий, сложностей и преимуществ, связанных с этим выбором. На основе глубинных интервью с 11 информантами из различных городов России (нынешними и недавними студентами) автор утверждает, что подобный выбор обуславливается главным образом двумя факторами: гендерной стигматизацией и увлеченным чтением неконформистской литературы. Гендерная стигматизация, переживаемая в детстве и в подростковом возрасте, в данном случае связана с невозможностью (и/или нежеланием) информантов «встраиваться» в патриархатный канон поведения. Опыт перенесения стигматизации заставляет информантов пытаться дистанцироваться от враждебного мира и найти новые источники его осмысления. Таким средством становится чтение неконформистской литературы, содержащей в себе нарративные модели гибридных маскулинностей, которые стремятся практиковать информанты. Поступление на литературные специальности представляется им шансом не предать свои идеалы (желание заниматься литературой) и оказаться в менее патриархатной среде. Несмотря на декларируемую гордость за свой выбор, информанты сталкиваются с целым рядом трудностей: устойчивостью патриархатных установок в академической среде, финансовой нестабильностью, непониманием со стороны семей и ощущением профессиональной непригодности. Некоторые участники исследования надеялись на то, что образование автоматически обеспечит им культурный и символический капитал, однако при этом не предпринимали активных шагов для интеграции в литературное поле. Их пассивность

---

¹ Статья подготовлена на результатах исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

объясняется как нехваткой культурного капитала, так и внутренним убеждением в невозможности добиться успеха в выбранной сфере. Эта установка дополнительно подкрепляется избираемым стилем жизни, вдохновленным нонконформистскими литературными нарративами (в частности, эстетикой битников), что, в свою очередь, приводит к нормализации бедности, обильному употреблению алкоголя и, нередко, воспроизводству некоторых патриархатных стереотипов поведения.

Ключевые слова: гендер, художественная литература, маскулинность, высшее образование, патриархат, стигматизация, контркультура

Против окружавшего ее мира грубости у нее было лишь единственное оружие: книги, которые она брала в городской библиотеке; особенно романы: она прочитала их уйму — от Филдинга до Томаса Манна. Они давали ей возможность иллюзорного бегства из жизни, не удовлетворявшей ее, а кроме того, имели для нее значение и некой вещи: она любила, держа книгу под мышкой, прохаживаться по улице. Книги обрели для нее то же значение, что и элегантная трость для денди минувшего века. Они отличали ее от других.

М. Кундера.

«Невыносимая легкость бытия»

Постановка проблемы

Идея исследования зародилась в процессе изучения роли чтения в жизни молодых мужчин¹. Мотивацией к изучению именно мужского читательского опыта послужило то, что до сих пор в исследованиях чтения гендер читающих либо не принимался во внимание, либо в фокусе оказывались женщины (Radway 1984; Самутина 2013; Thumala Olave 2017; Савкина 2023). Одной из наших главных находок оказалось то, что молодые люди, увлеченные² чтением и выходящие из семей с низким социально-

---

¹ Возраст информантов находился в диапазоне от 18 до 29 лет.

² Под увлеченными читателями в данном случае мы подразумеваем тех молодых людей, которые читают не просто время от времени (например, в метро или на отдыхе), но тех, для кого чтение имеет существенное значение в жизни, и тех, кто уделяет ему значительную часть своего свободного времени. Приводить коли-

экономическим статусом (далее — СЭС), часто сталкивались со стигматизацией своей любви к литературе как в кругу семьи, так во дворе и даже в школах. Эта находка показалась нам контринтуитивной ввиду того, что в публичном дискурсе (в частности, в речах высокопоставленных государственных деятелей, имеющих прямое влияние на образовательную политику), непрестанно звучат тезисы о том, что чтение художественной литературы способствует не только «духовному обогащению» человека, но и увеличивает его карьерные шансы на рынке труда.

На уровне здравого смысла казалось малопредставимым, что много читающий молодой человек может стать объектом стигматизации и даже остракизма. Однако в наших интервью из раза в раз мы наблюдали воспроизводство сюжетов, связанных с буллингом читающих. Как выяснилось, связь между увлечением чтением и стигматизацией имела сложный характер. Многие информанты упоминали о том, что еще до того, как стали увлеченными читателями, подвергались буллингу в различных социальных группах, по их мнению, по причине того, что они не соответствовали традиционным (во многом патриархатным) представлениям о том, как должен себя вести «настоящий мужчина». Увлечение чтением, в свою очередь, только закрепляло эту стигматизацию, поскольку воспринималось окружением информантов как «немужское занятие» (особенно в подростковом и взрослом возрасте). Практически все наши информанты вспоминали о различных по степени травматичности ситуациях, когда они категоризовались представителями их окружения как «женственные», «неполноценные», «странные», «юродивые», «слабые» и пр. Нередко чтение становилось своего рода реакцией на практики стигматизации, один из ключевых смыслов которой заключался в наборе дистанции по отношению к социальным группам, в которых им приходилось существовать. Слово «дистанция» имеет здесь два значения. С одной стороны, чтение подразумевает уединение. Читающий человек может легитимно избегать социального взаимодействия, при этом не будучи обвинен в том, что он «ничем не занят» (Гоффман 2017). С другой стороны, дистанция приобретает и смысловой характер: погружение в вымышленные миры способствует знакомству со стилями жизнями и ценностями, отличными от тех, которые имеют место в социальных группах, в которые включен читающий (Felski 2008; Fluck 2013).

чественные оценки в данном случае нам кажется не вполне целесообразным, однако, если судить по интервью с информантами, то все они читают практически каждый день, находятся в постоянном поиске новых для себя авторов и тратят на чтение в среднем около 2–5 часов в день.

Следующей (и, пожалуй, главной) находкой стало обнаружение следующей взаимосвязи: часть увлеченных чтением молодых людей выбрали при поступлении в высшие учебные заведения творческие специальности, связанные с изучением литературы и писательством (в большинстве случаев речь шла либо о филологических факультетах различных вузов, либо о Литературном институте им. Горького). Такая взаимосвязь казалась логичной, как минимум потому что увлечение литературой действительно может вести к тому, что много читающий человек захочет тем или иным образом связать свою жизнь с деятельностью, имеющей отношение к литературе. Однако в нашем случае неожиданность такого выбора заключается в том, что поступление на такого рода специальности связано с существенными финансовыми и карьерными рисками, поскольку овладение такими специальностями может вызвать сложности с нахождением хорошо оплачиваемой работы. Принципиальное отличие абитуриентов из семей с низким СЭС (к коим относятся наши информанты) от других абитуриентов состоит в том, что экономические ресурсы их родителей существенно ограничены, в связи с чем выбор специальности становится экзистенциально и экономически значимым (Reay et al. 2009; Walker 2022). Такие студенты в большинстве своем лишены «права на ошибку» ввиду того, что их семья не может предоставить им финансовую подушку безопасности, если что-то пойдет не так. Неудивительно, что для многих выходцев из семей с низким СЭС выбор специальности в первую очередь обусловлен экономической целесообразностью овладения той или иной профессией и минимизацией образовательных рисков (Лукина 2023). Наши информанты явно выбивались из этого тренда, в связи с чем мы задались вопросом: почему увлеченные чтением молодые люди из семей с низким СЭС выбирают связанные с литературой образовательные треки (и близкие к таковым) и к каким последствиям приводит такой выбор?

Статья организована следующим образом. В первой части мы более подробно обсудим гендерную стигматизацию, с которой сталкивались наши информанты. Мы покажем, что большинство из них испытывали трудности с приведением своих стратегий действия (Swidler 1986) в соответствие с патриархальным каноном, имевшим место в группах, в которых им приходилось социализироваться. Во второй части мы показываем, что увлечение чтением (в основном американской неконформистской литературой) позволило информантам сформировать альтернативные традиционному образцы маскулинности, которым им хотелось бы соответствовать. Не в последнюю очередь именно приобщение к подобной литературе обусловило их образовательный выбор. В третьей части мы

демонстрируем, что опыт обучения на выбранных специальностях оказался достаточно далеким от ожиданий информантов. Мы показываем, что многие информанты все еще продолжали сталкиваться с гендерной стигматизацией (к которой добавилась стигматизация по признаку социально-экономического статуса), а также встретились с новым вызовом: невозможностью обрести социальное признание в литературном мире. В заключительной части мы утверждаем, что несмотря на серьезные трудности, последовавшие за образовательным выбором информантов, многие из них не сожалеют о том, что решили посвятить свою жизнь (по крайней мере на данном этапе) литературе. В нарративах информантов прослеживается мысль о том, что отказ от более перспективных и предсказуемых карьер позволил им сохранить чувство собственного достоинства, поскольку их выбор был мотивирован не утилитарной мотивацией накопления экономического капитала, а «высокими» идеалами «служения искусству» (Болтански, Тевено 2013: 140–149), что, в свою очередь, в значительной степени оправдывает в глазах информантов те риски и вызовы, с которыми им приходится жить.

Методология и выборка исследования

В ходе исследования были опрошены 54 молодых человека (34 из них были увлечены литературой, 20 — нет; мы беседовали с молодыми людьми, не увлеченными чтением и письмом, с целью сравнить их биографии с биографиями тех, кто посвящает литературе значительное время и придает этому увлечению экзистенциальный смысл) из разных городов России, включая Москву и Санкт-Петербург. Все информанты являются выходцами из семей с низким СЭС, т.е. их родители не имеют высшего образования и не обладают значительным экономическим капиталом. В рамках статьи обсуждаются образовательные траектории 11 увлеченных литературой молодых людей, решивших связать свою жизнь с профессиональным занятием литературой. Все они в данный момент являются студентами филологических факультетов в различных городах России либо студентами Литературного института им. Горького. Сбор данных проводился посредством глубинных полуструктурированных интервью как в очном, так и в онлайн-формате. Выборка формировалась посредством снежного кома и с помощью личных контактов автора. Все имена информантов изменены для сохранения конфиденциальности. Названия учебных заведений также не указываются (за исключением Литературного института) в целях сохранения анонимности личностей информантов. Важно отметить, что все информанты обучались в обычных (не элитных) школах.

Стигматизация до поступления в вуз

Для опрошенных нами информантов опыт социализации в школе, во дворе и даже в семье был довольно болезненным. Ввиду ограниченного объема статьи мы не будем подробно обсуждать различные аспекты стигматизации, с которой сталкивались информанты. Мы укажем лишь на базовый сюжет, который прослеживается практически во всех взятых нами интервью: информанты испытывали серьезные трудности с приведением своих стратегий действия (Swidler 1986) в соответствие с патриархатными установками, имевшими место в социальных группах, в которых они состояли. Для иллюстрации этого тезиса приведем высказывания трех молодых людей, демонстрирующие гендерную стигматизацию в различных социальных средах.

С отцом у меня были довольно напряженные отношения, мы были абсолютно разными людьми. Он хотел, чтобы я помогал ему ковыряться с машиной, делать ремонт, ездить с ним на рыбалку, такие мужские штуки, а мне все это никогда интересно не было. Мы как-то поехали с друзьями семьи на шашлыки, и меня подрадили собирать мангал и помогать жарить мясо. Я там все запорол, и батя такой: «Нет, это точно не мужик растет». С одной стороны, это было обидно, тем более что сказал он это в присутствии дам, а с другой — я вот таким типичным мужиком, как он, и не хотел расти (Кирилл, 19 лет).

В данном случае мы видим, что отец информанта (у которого отсутствовало высшее образование и который работал монтером) пытался прививать сыну любовь к досуговым практикам, связанным с физическим трудом, сноровкой и коллективным времяпрепровождением (все это черты маскулинных занятий) (Connell 1995; Nayak 2006), однако Кирилл не испытывал никакого интереса к подобного рода активностям и не высказывал желания обучаться этим занятиям, что служило причиной многочисленных неодобрительных высказываний отца и ухудшению их отношений. Другой информант делится травматичным случаем из школьной жизни:

В школе, еще в классе 5, я пошел в баскетбольную секцию, потому что девочкам нравятся спортсмены. На мой взгляд, я в целом не урод, ну худой был, да. Мне казалось, что если я буду играть и буду успешен, то приобрету какое-то признание как среди пацанов, так и среди девочек. В первом же матче межшкольном меня пропустили на замену, я налажал, можно сказать, из-за меня команда проиграла. В раздевалке потом надо мной издевались, украли трусы. Больше я на баскет не ходил, и всю эту спортивную херобору стал презирать (Глеб, 20 лет).

Чтение данного нарратива делает нас свидетелями попытки «встроиться» в патриархатный порядок, «очки» в котором зарабатываются посредством достижений в спортивной жизни школы (снова, как и в предыдущем случае, оказывается важным мотив физического совершенства и умения добиваться своего в соревнующейся гомосоциальной среде). Речь идет о «встраивании», поскольку Глеб в другом фрагменте интервью эксплицитно указывает на то, что баскетбол (как и спорт в целом) не входил в сферу его интересов. Он записался в секцию, руководствуясь исключительно желанием получить признание, однако этому желанию не суждено было сбыться. Между словами «налажал» и «запорол» (используемым предыдущим информантом) прослеживается очевидная семантическая близость. Для легитимации своего статуса в патриархатной группе необходимо пройти своего рода «неформальные испытания» (Тевено 2018), которые оказывались не под силу нашим информантам, однако оба указывают на то, что не стремились во что бы то ни стало это признание «заслужить». К примеру, последний информант заявляет о том, что стал презирать спорт и отказался от дальнейших попыток добиться спортивных успехов. В последнем приводимом нами нарративе информант делится переживаниями, связанными с непризнанием среди сверстников во дворе:

Знаешь, мне до сих пор тяжело вспомнить, с чего все это началось и понять, почему это со мной происходило. Возможно, со мной первоначально что-то было не так. Мне говорили о том, что у меня бабские повадки, что я «тепленький», что со мной некомфортно тусить, то я был слишком правильным, то слишком эмоциональным... мне часто приходилось слышать высказывания по типу «пацан ты или кто», «ты че, пидор что ли?» Но мне тяжело выделить какую-то очевидную причину в своем поведении, почему все это происходило (Максим, 22 года).

Если в предыдущих случаях причины стигматизации более или менее понятны информантам, то здесь мы сталкиваемся с очевидным замешательством нарратора с определением точных причин, почему ему не удавалось «вписаться» в группу с патриархатными установками. Выше мы отсылали к концепту «неформальных испытаний» Лорана Тевено, однако, как видим в данном случае, порой суть этих «испытаний» настолько размыта, что «претенденты» на членство и уважение в патриархатной группе не понимают, что именно требуется делать, чтобы добиться желаемого признания. Наша гипотеза состоит в том, что в случае молодых людей, исповедующих патриархатные установки, имплементация последних

происходит настолько незаметно и плавно, что патриархатные стратегии действия становятся самоочевидными, не поддающимися четкой артикуляции, в то время как молодые люди, по тем или иным причинам эти установки не имплементировавшие в раннем детстве, сталкиваются с трудностями в понимании того, как именно следует себя вести, чтобы считаться «настоящим мужчиной». Тем не менее в другой части интервью Максим сообщил, что несмотря на комплекс тяжелых чувств, уже к 8 классу он оставил попытки обрести авторитет во дворе и «переключился» на усильную подготовку к ОГЭ и ЕГЭ по литературе и другим предметам.

Следующий сюжет, на который стоит обратить внимание и который достаточно неплохо освещен в существующей литературе, связан со стигматизацией за достижения в учебе. Как утверждают исследователи, мальчики, которые демонстрируют успехи в учебе и прилагают для этого усилия, часто подвергаются стигматизации как не соответствующие образу «настоящих парней», причем этот феномен, судя по всему, наблюдается вне зависимости от типа школы. Что интересно: такая ситуация сохраняется вплоть до старших классов, однако чем ближе выпускные экзамены, тем приемлемее становятся успехи в учебе. Эпштейн связывает это с тем, что результаты выпускных экзаменов оказывают определяющее воздействие на шансы потенциальных абитуриентов поступить в вуз, а поступление в элитное учебное заведение, в свою очередь увеличивает шансы на получение высокооплачиваемой работы. Последний момент особенно важен, поскольку в рамках патриархатной неолиберальной логики «полноценным» признается богатый мужчина, поэтому, когда оценки в школе начинают играть роль предикторов успешной сдачи экзаменов, хорошая учеба уже не воспринимается как «ботанство» или «задротство» (Epstein 2004). В свете этого обстоятельства особенно интересной выглядит ситуация одного из наших информантов, который столкнулся с тем, что подвергся стигматизации из-за того, что сдавал ЕГЭ по литературе:

Я учился в сильном классе, и у нас не было такого, что пацаны вообще не учились, нет, у нас практически все учились хорошо. Среди пацанов было не принято хвастаться оценками, но сам по себе факт того, что ты отличник никого не смущал. Важнее были другие вещи. Вот, например, когда пацаны узнали, что я буду сдавать литературу, надо мной начали угарать и начались довольно обидные подколы по типу «и чем ты будешь с этой литературой заниматься». Я был единственным в классе, кто сдавал литературу. И вместо какого-то ореола героичности, меня воспринимали как проблему даже учителя. Типа: нафига тебе нужна эта литература? Еще завалишь, показате-

ли нам испортишь. Сдавай, как все пацаны, матан и физику. Причем училка по литре мне вообще не помогла, и когда я сдал хорошо экзамен, она такая: молодец, конечно, но это не математику и физику сдавать. А литра — очень тяжелый экз (Артем, 21 год).

В данном случае мы наблюдаем ситуацию, когда сам выбор сдаваемого предмета предопределяет дальнейшие практики стигматизации вне зависимости от успешности сдачи экзамена. Эта стигматизация обладает гендерной спецификой: литература воспринимается как предмет, сдача которого бессмысленна с точки зрения карьерных перспектив. Восприятие литературы как «не мужского» (и кажется, вообще лишнего) предмета приводит к своеобразным когнитивным искажениям. Так, учительница литературы (!) указала информанту на то, что его высокие баллы по литературе не сравнимы с высокими баллами по физике и математике (т.е. сдать литературу, по ее мнению, значительно легче, чем указанные предметы), при этом перед сдачей экзамена она беспокоилась о том, что экзамен будет провален, что, вероятно, свидетельствует о том, что все же его нельзя считать легким и не требующим серьезной работы. Разумеется, фраза «показатели нам испортишь» наводит на мысль о том, что за стигматизацией кроются бюрократические опасения, связанные с возможностью того, что ученик получит низкие баллы по предмету, который он вообще мог бы не сдавать. Но почему возникает убеждение в том, что литература — это не тот предмет, который следует выбирать в качестве выпускного экзамена?

Действительно, статистика говорит о том, что литература не является популярным предметом, более того, среди сдающих данный предмет преобладают девушки¹. Однако сам по себе тот факт, что юноши редко сдают литературу, не является объяснением того, почему выбор литературы стигматизируется. Один из наших информантов поделился историей о том, как преподавательница информатики буквально уговаривала мальчиков из его класса сдавать ее предмет (по словам информанта, в итоге этот экзамен выбрало «4–5 человек», что тяжело назвать высоким показателем). Здесь мы видим обратную логику: выбор относительно редкого предмета воспринимается как героический и заслуживающий уважения. Насколько нам известно, в русскоязычном (и мировом) научном пространстве специально не исследовался вопрос отношения учителей к выбору их предметов в качестве экзаменационных. Очевидно, что в России сдача некоторых предметов (например, русского языка и базовой математики) является

---

¹ См.: <https://tass.ru/obschestvo/23238979>.

обязательной, и каким бы ни было отношение учителей к такому положению вещей, они едва ли могут на него повлиять. Однако в случае остальных предметов открывается пространство для обсуждения. Насколько нам удалось понять со слов информантов, в целом большинство учителей довольно благосклонно относятся к тому, что выбирается их предмет. Вероятно, в таком случае имеет смысл выдвинуть гипотезу о том, что выбор предмета повышает символический статус преподавателя, поскольку выбор предмета косвенно может свидетельствовать в пользу того, что учителю удалось заинтересовать им ученика, что говорит в пользу профессионализма первого. В случае с литературой такой картины не наблюдалось. С одной стороны, в данном контексте выглядит осмысленной прагматическая гипотеза: выбор литературы гипотетически обрекает учителя на большую ответственность, и судя по всему, из преподавателей русского языка и литературы к ней мало кто готов, поскольку литературу выбирают достаточно редко и у многих учителей русского языка и литературы нет богатого опыта подготовки к экзамену по последнему предмету. С другой стороны, как показывают наши данные, дело тут не столько в ответственности, санкциях и гипотетических призывах, сколько в «странности» такого выбора для мальчика.

Чтение литературы как способ борьбы со стигматизацией и как фактор образовательного выбора

Кратко описав травматичный опыт детства и подросткового возраста наших информантов, перейдем к анализу того, как процессы описанной стигматизации «поспособствовали» формированию увлечения литературой и как это увлечение повлияло на выбор образовательной траектории.

В нарративах большинства наших информантов об их жизнях прослеживаются несколько связанных между собой сюжетов: 1) молодые люди нередко говорили о себе как о неконформистах, маргиналах, лишних людях; 2) основная сюжетная линия повествования (каким бы противоречивым и путаным оно ни было) была связана с оппозицией «враждебного, лживого, грубого коммерциализированного мира» и «высокого, чистого и искреннего мира искусства». Именно к последнему стремились принадлежать информанты.

Мы полагаем, что невозможность цензурировать свои стратегии действия в соответствии с патриархатным канонem во многом повлияла на тип читаемых информантами книг и на их интерпретацию. Среди любимых и наиболее читаемых информантами авторов назывались следующие фамилии: Керуак, Паланик, Буковски, Миллер, Лимонов, Берроуз, Сэлинджер, Довлатов, Пинчон, Летов, Соколов. Если судить по нарративам информантов,

предпочтение именно этих писателей обусловлено главным образом тем, что все они противостояли массовой/классической/канонизированной культуре. Кроме того, следует отметить, что произведения многих из этих писателей имеют автобиографические мотивы (как мы покажем ниже, изучение биографии автора является важным обстоятельством, способствующим приобщению к его произведениям). Для большинства из этих авторов характерна критика капиталистического мира, «официоза», «мелкобуржуазного потребления», некоторые вели затворническую жизнь и принципиально отказывались от лавров литературного признания.

Каким образом чтение этих авторов способствовало формированию у наших информантов гибридных (Bridges, Pascoe 2014) моделей маскулинности? Во-первых, сам по себе опыт гендерной стигматизации заставлял информантов искать средства для дистанцирования от нее и ее осмысления. Воспринимая себя как маргинальных субъектов, информанты стремились к поиску таких же писателей (т.е. тех, кто в годы своей творческой активности воспринимался как маргинал).

Стоит признать, что в работах указанных писателей тяжело усмотреть пассажи, явно отсылающие к критике патриархатных моделей маскулинности. Кроме того, некоторые из перечисленных писателей, несмотря на свое критическое отношение к массовой и элитарной культуре, исповедовали вполне себе патриархатные стратегии действия. Так, в работах Керуака и Буковски можно обнаружить гомофобные пассажи, тексты прочих авторов изобилуют эссенциалистской стигматизацией женщин. Однако, как справедливо указали теоретики рецептивной теории, ошибочно полагать, что чтение литературных текстов подразумевает однозначную модель их интерпретации (Яусс 1995; Изер 2004). С одной стороны, текст, разумеется, в той или иной степени ограничивает читателя в его интерпретационных стратегиях, однако читатель в зависимости от многих условий (культурного капитала, гендера, целей чтения и прочего) может использовать разные стратегии интерпретации текста (конечно, такая трактовка процесса чтения предполагает, что один и тот же человек, читая книгу в разные периоды жизни, может составлять о ней разное впечатление и акцентировать в ней разные моменты). Как следует из наших данных, книги перечисленных авторов способствуют выработыванию гибридных маскулинностей крайне различными, трудно прогнозируемыми способами. Для иллюстрации этого тезиса снова обратимся к высказываниям наших информантов.

Для меня главное, что содержится в Керуаке — это его принципиальное отрицание всей этой богемой, элитарной и потребительской истории. Я не могу сказать, что прям как-то жутко было

интересно читать роман «Дорога», к примеру, но для вот этот образ жизни, немного на грани бедности, бродяжнический, скитальческий, каждый день новые мотели, алкоголь, в общем, жизнь, полная событий, а те тупое зарабатывание денег и поклонение американской мечте — для меня это стало своего рода руководством к жизни (Павел, 21 год).

В этом пассаже обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых (и информант сам указывает на это), ключевым элементом, способствующим привлекательности прозы американского автора для информанта, является его антибуржуазный образ жизни, в котором изобиловали сексуальный либертинаж, употребление психоактивных веществ, скитальчество и, что особенно важно, отказ от накопления экономического капитала. Важно отметить, что патриархат — это культурный, эмоционально заряженный (в некоторых своих аспектах противоречивый) нарратив, суть которого не может быть редуцирована исключительно к отношению между полами (хотя, безусловно, именно этот аспект составляет «смысловое ядро» этого нарратива). Образ мужчины-гегемона (разумеется, меняющийся в зависимости от исторического периода и места) отсылает не только к нормативным установкам, связанным с отношениями с женщинами и другими мужчинами, но и к широкому спектру жизненных практик. Как показывают различные исследования (хотя в российском контексте наблюдается очевидный недостаток таковых), в среде мужчин из «рабочего класса» крайне ценятся физическая сила, способность обеспечивать семью, умение обращаться с техникой и решать бытовые задачи, брутальность и т.д. (Willis 1977). Образ жизни альтер-эго Керуака, описываемый в «Дороге», радикально не соответствует патриархатному канону «рабочего класса» лишь в аспекте, связанном с финансовой состоятельностью и нормативной установкой «остепенения» (в какой-то момент уважающий себя мужчина должен жениться и завести детей). Употребление алкоголя, психоактивных веществ и сексуальный либертинаж в целом не являются практиками, которые с уверенностью можно назвать не вписывающимися в патриархатный канон. Однако, как отмечает Холт, комментируя теорию культурного потребления Бурдьё и работы ее критиков, в современном постмодерном обществе для анализа различий между социальными группами (в том числе классами) исследователю стоит обращать внимание не столько на различия в потребляемых товарах и услугах, сколько на *стили* потребления (Holt 1998). В этом смысле становится значимым вопрос не *что* потребляется, а *как*. Так, один из наших информантов отмечает:

Я достаточно много сейчас пью, но мое выпивание не имеет ничего общего с тем, как пили, допустим, кенты во дворе или мой батя. Все дело в том, что у них основная мотивация — нажраться как можно быстрее. И пьют они поэтому водку, я тоже могу выпить водку, конечно, но ни в коем случае не для того, чтобы ухандокаться за 20 минут. Я постигаю метафизические высоты таким образом (Тимур, 22 года).

Во-вторых, как будет показано ниже, наши информанты не отказываются от всех патриархатных установок (из-за чего испытывают противоречивые чувства), например многие из них, критикуя те практики, с которым им доводилось сталкиваться в детстве и юности, тем не менее сохраняют достаточно патриархатные установки по отношению к женщинам.

Если судить по нарративам наших информантов, то доминирующей мотивацией при выборе образования (и стиля жизни) для них была не столько забота о своем будущем карьерном успехе, сколько желание не быть похожими на тех молодых людей (и своих отцов), которые стигматизировали их в детстве и подростковом возрасте. Мотив успеха в данном случае уступает место мотиву различения. В интервью информанты в общих чертах описывали тот путь, который они могли бы пройти: поступить на «технические» специальности (как красноречиво выразился один из информантов «пойти по дорожке своих же угнетателей»), встроиться в патриархатный порядок, завести семью, получить приличную работу и «жить, как все». Однако такой путь представлялся информантом предательством своих идеалов. Здесь важно отметить следующее: разумеется, мы не утверждаем, что овладение условной технической специальностью обязательно подразумевает то, что ее обладатель в значительной степени имплементирует патриархатные установки (если еще не имплементировал их до поступления в вуз). Мы указываем лишь на то, что в глазах наших информантов прагматические сферы деятельности (не связанные с искусством, «абстрактной» наукой и литературой, в частности) воспринимаются как социальные пространства, которые выбирают люди, разделяющие патриархатную логику, и как следствие, по их мнению, это те пространства, где эта логика воспроизводится. Мы не беремся оценивать справедливость такой точки зрения. Отметим лишь то, что ряд исследователей указывают на то, что опыт переживания буллинга и стигматизации в детстве и подростковом возрасте может влиять на различные аспекты когнитивной деятельности (Liu et al. 2023). По-видимому, в данном случае не будет лишней гипотеза о том, что техника, ручной

труд и близкие к этим феноменам практики стали прочно ассоциироваться у информантов с пережитым травматическим опытом, что делало выбор этих направлений в качестве будущей профессии практически невозможным.

К данному моменту вырисовывается следующая логика: наши информанты, будучи неспособными (или нежелающими) вписаться в патриархатный канон, искали способы справиться с тяжелым травматичным опытом. Таким способом для них стало чтение контркультурной (нонконформистская) литературы. Во-первых, увлечение чтением позволяло им быть чем-то занятыми и при этом избегать лишних контактов с социальным окружением. Во-вторых, оно позволяло ментально дистанцироваться от тяжелых условий жизни. И наконец, в-третьих, в читаемых информантами книгах описывались стили жизни, достаточно далекие от тех, с которыми им приходилось иметь дело на ежедневной основе. Судя по всему, ключевая идея, которую «вынесли» информанты из чтения нонконформистской литературы, заключается в том, что можно оставаться мужчиной (или оставить вопрос о соответствии каким-либо гендерным стандартам в принципе в стороне), не следуя тому образу жизни, который вели их отца, одноклассники и друзья со двора. Руководствуясь желанием сепарироваться от опыта гендерной стигматизации и преследуя цель посвятить себя «непрагматичной», связанной с творчеством деятельности, информанты приходят к решению поступать на «литературные» специальности, даже вопреки грядущим карьерным рискам (или не принимая их в расчет).

В следующем разделе мы покажем, что большинство информантов в процессе учебы снова столкнулись с опытом непризнания и крахом своих (как кажется, немного наивных) надежд.

Разочарования в вузе

Один из наиболее драматичных сюжетов, встречающихся в рассказах наших информантов, связан с непризнанием со стороны однокурсниц. До поступления в вуз информанты в большинстве своем ожидали, что им придется учиться в группах, в основном состоящих из девушек. Никто из будущих студентов не видел в этом проблемы, а некоторые даже рассматривали это как преимущество, поскольку, по их мнению, в таком случае они бы сталкивались с меньшей конкуренцией со стороны других молодых людей в борьбе за внимание однокурсниц. Помимо этого, информанты ожидали, что филология будет в меньшей степени присущи патриархатные установки, нежели девушкам, с которыми они имели контакты до сих пор. Однако спустя несколько недель или месяцев обучения многие информанты столкнулись с разочарованием.

Меня, мягко говоря, сильно удивило то, что девушки в моей группе в большинстве своем не сильно отличались от тех, с которыми мне до сих пор доводилось общаться. Эти только одеты были побогаче и постилевее, но начинка одна и та же (Артем, 21 год).

Когда мы попросили пояснить, что информант имеет в виду под «той же начинкой», он разразился гневной тирадой о том, что его однокурсники «хотели от него типичного мужского набора: подарков, внимания (часто во вред учебе), каких-то поступков мужских». При этом информант, хотя и выражает сожаление, связанное с тем, что потенциальные партнерши воспринимали его (по его мнению) как обладателя экономического капитала, которым он должен был с ними делиться, он тем не менее не отрицает устоявшееся гендерное распределение ролей, исполняемых во время актов ухаживания. По его признанию, он был «не против» демонстрировать однокурсникам знаки внимания, дарить подарки (по мере финансовых возможностей), однако не видел в этом смысла, поскольку девушки, с которыми он учился, как ему казалось, «не увлечены искусством, не увлечены литературой, вообще ничем, кроме себя не увлечены», несмотря на то что они (насколько информант мог судить) выходили из более богатых и образованных семей, чем он. Ему казалось, что «это они там оказались случайно», а вовсе не он. В данном случае речь не столько о стигматизации в отношении информанта (хотя, по его признаниям, ему было крайне некомфортно, когда какая-либо девушка требовала от него «мужских поступков» и «мужского поведения»; подобные риторические конструкции, возможно безобидные на первый взгляд, вызывали у информанта цепочку болезненных воспоминаний из довузовского периода, когда он отчаянно пытался отстоять свою маскулинность и не преуспел в этом, поэтому любое требование соответствовать патриархатному гендерному стандарту для него было равносильно оскорблению, в чем, однако, ему было тяжело признаться потенциальным партнершам), сколько о несбывшихся надеждах относительно увлечений, стиля жизни и культурных установок тех, с кем ему предстояло учиться. В данном случае тяжело судить о том, насколько верны характеристики, данные информантом его одноклассникам, и насколько в принципе было возможно предвидеть такой поворот событий.

В рассказе другого информанта стигматизация проявлялась более очевидным и травмирующим образом:

Одна мне так в лицо и сказала, мол, я не рассматриваю в качестве партнера парня-филолога. Во-первых, потому что парни-филологи не мужики, во-вторых, потому что они будущие нищие. Когда я ее спро-

сил, а что она тут [на факультете филологии] делает, то она мне сказала, что это не мое дело, а парни ей с технических факультетов нравятся (Егор, 19 лет).

Здесь интересно то обстоятельство, что принадлежность информанта к категории «филолог» влечет за собой само собой разумеющиеся для девушки коннотации: отсутствие мужских качеств и бедность (Sacks 1966; Корбут 2016). Как отмечает информант, он столкнулся с отказом «попробовать завязать какую-то коммуникацию» практически сразу, т.е. в данном случае можно говорить о том, что культурный механизм стигматизации, связанный с фоновыми ожиданиями девушки, по сути, даже не допускал эмпирического опровержения. Мы считаем это важным моментом, указывающим на сложность культурного перекодирования стигматизируемых «категорий членства», поскольку, как мы видим в данном случае, подвергающиеся стигматизации лица порой не получают шанса на то, чтобы изменить представление о себе (Jaanus 1984). Тем не менее, несмотря на резкий отказ, с которым столкнулся информант, он не впал в уныние и в длинном пассаже, который мы приводим с существенными сокращениями, описал свою планы относительно будущей «интимной жизни»:

Мне тяжело сейчас думать о длительных планах в плане отношений. У меня очень много идей, связанных с творчеством, а женщины, как правило, творчеству мешают, а не являются вот этими чудесными нимфами, в любой момент готовыми подать руку помощи. Вспомни, как первая жена Хемингуэя потеряла чемодан с его работами. Да за такое убить мало! Я бы с такой женщиной не смог дальше жить, да и он, впрочем, не смог... Не знаю, буду, наверное, как Буковски, искать каких-нибудь телочек легкодоступных в барах-ресторанах, но насчет чего-то серьезного думать сложно, надо творить, пока молод. Да и сам видишь: ты им протягиваешь руку, а они тебе плюют в лицо (Егор, 19 лет).

Трудно не заметить, что в этом нарративе содержатся как мизогинные обобщения («женщины мешают творчеству»), так и оскорбительные эпитеты («легкодоступные телочки»). В целом весь нарратив пронизан гневом и обидой на женщин, которые «плюют в лицо» информанту. Прежде чем перейти к интерпретации данного фрагмента, считаем необходимым сделать важное замечание. Как известно, между тем, что люди говорят, и тем, что они делают, может быть существенная разница (La Pierre 1934). Причины такого несоответствия многообразны, и мы не можем обсуждать их здесь подробно. Однако критически важно указать на то, что сама ситуация разговора двух мужчин могла спровоцировать информанта

«принизить» значимость женщин в его жизни, чтобы не выглядеть в глазах собеседника мужского пола «неудачником». Исследователи утверждают, что категория «успешного мужчины» во многом связана с его признанием среди женщин. Учитывая, что информант поделился с нами довольно травматичной для него историей об отказе потенциальной партнерши вступить с ним в романтические отношения, имеет смысл предположить, что в последующей за этой историей обвинительно-пренебрежительной тираде выражалось не столько действительное отношение информанта к женщинам, сколько попытка компенсировать (хотя бы на риторическом уровне) неудачи на его романтическом пути. Тем не менее, даже учитывая указанное обстоятельство, мы считаем, что этот фрагмент в любом случае заслуживает внимания.

Как уже кратко говорилось выше, среди сакральных (наиболее почитаемых) большинством наших информантов авторов, в основном называются контркультурные американские писатели XX в. В данном случае упоминаются Хемингуэй и Буковски. Элементы их биографий воспринимаются информантом как своего рода «методички» по взаимодействию с женщинами. Информант вспоминает известный случай из биографии Хемингуэя: первая жена писателя потеряла чемодан с огромным количеством его ранних рукописей. Этот случай обсуждается Хемингуэем в его автобиографическом тексте «Праздник, который всегда с тобой». Потеря рукописей стала серьезной травмой для писателя, тем не менее она не привела к мгновенному распаду брака (впрочем, существуют гипотезы, согласно которым Хемингуэй так до конца и не смог простить Хедли, из-за чего и распался их брак). Примечательно, что информант, рассуждая о том, что женщины мешают творчеству, вспоминает драматичный эпизод из отношений Хемингуэя с первой женой, (якобы) демонстрирующий верность его тезиса, однако ничего не говорит о том, насколько значимую роль сыграла Хедли в первые годы творческих поисков американского писателя. Затем из биографии Буковски «извлекаются» эпизоды мимолетных сексуальных контактов с женщинами, с которыми впоследствии Буковски без сожалений расставался. Стратегия накопления one night stand контактов кажется информанту наиболее благоразумной, однако, как и в случае с Хемингуэем, информант исключает из своего нарратива то обстоятельство, что ряд женщин действительно имели серьезное (если не сказать экзистенциальное) значение для Буковски и значительную часть жизни он провел, будучи «примерным семьянином», всегда подчеркивающим неоценимую роль последней жены в его жизни. На наш взгляд, этот нарратив явственно свидетельствует о том, что гибридные маскулинности, которые формируются у информантов, необязательно подразумевают

полный и сознательный отказ от патриархатных установок по отношению к женщинам.

Впрочем, в этой драматичной истории взаимного непризнания и непонимания, важно подчеркнуть еще один момент, напрямую связанный с финансовой фрустрацией, которую испытывают большинство наших информантов. Практически во всех нарративах, связанных с отношениями с женщинами, присутствует беспокойство о невозможности построить длительные отношения из-за неустойчивой (или даже тяжелой) финансовой ситуации, в которой находятся информанты. В целом такого рода беспокойство и опасения характерны не только для студентов-филологов, но и для многих молодых выходцев из семей с низким СЭС (Silva 2013). Информанты говорят о том, что их однокурсницы «требуют» от них экономически затратных знаков внимания, однако дело здесь не столько в том, что такие знаки внимания не могут быть оказаны, а в том, что они создают ложное впечатление о финансовой состоятельности молодого человека. Один из наших информантов признается:

Я, откровенно говоря, не понимаю, что у меня будет с деньгами в ближайшее время. Я могу поднапрячься, может, где-то найти подработку, чтобы подарить девочке на день рождения какой-нибудь крутой подарок, но она же захочет и дальше такого же, а может, и больше. Я никого обманывать не хочу, и мне легче сказать, что я гол, как сокол, могу предложить себя, но больше у меня ничего нет. Если девушка на такое согласна, то замечательно, на нет — и суда нет. Может, поэтому я до сих пор один [смеется] (Даниил, 20 лет).

Наши информанты в большинстве своем мыслят идеальные отношения как сферу, в которой присутствуют полное взаимопонимание, поддержка, увлеченные обсуждения литературы и искусства в целом, эмоционально насыщенные сексуальные контакты. В этой романтической концептуализации любви, очевидно, отсутствует экспликация материальных условий жизни, которые считались бы приемлемыми, так же как отсутствует представление о том, кем и как достижение этих условий должно обеспечиваться. Когда мы спрашивали информантов о том, какую роль, с их точки зрения, играют экономические ресурсы в формировании устойчивых половых отношений, большинство либо демонстрировали явное затруднение с ответом, либо воспринимали получаемое образование как преграду на пути к построению долгосрочных союзов.

Ну, хотелось бы, конечно, чтобы был достаток, скажем так. Но вот я, допустим, планирую и дальше заниматься литературным творчеством, пробиваться в этом направлении. То есть кучи денег

у меня явно не будет ни через год, ни через два... И если девушка моя мне скажет, что мне надо сменить род деятельности, чтобы приносить деньги в семью, то я на это вряд ли пойду. Если люди любят друг друга, то деньги, вернее, их отсутствие не должно быть помехой. Наверное... Сложно все это (Глеб, 20 лет).

Я уже морально готов, к тому, что буду бедным. Я это сам выбрал. Я горд этим выбором. Но здесь речь не только о выборе, быть бедным или богатым. Из бедности, к сожалению, следует много других, как правило, неприятных вещей. Например, очень немногие девушки согласятся на ту жизнь, которую я смогу им предложить. А те, которые согласятся, вряд ли будут мне интересны. Мой отец очень любил слушать Александра Новикова, так вот мне эта любовь передалась, хотя я как-то немного стесняюсь этого [смеется], в компании приличных людей стараюсь не ставить. Так вот у Саши Новикова есть песня «Помнишь, девочка?» Сюжет там простой: в молодости была девочка, а денег не было. Сейчас есть деньги, но нет девочки. Я в каком-то смысле Саню Новикова переплюнул: у меня ни девочки, ни денег не будет скорее всего [смеется] (Максим, 22 года).

В этих двух нарративах наблюдается ряд общих черт. Во-первых, оба информанта считают, что получаемая ими специальность не сулит в ближайшем будущем существенной прибавки экономического капитала. Как ни странно, пессимистические ожидания относительно финансовых перспектив существенно не изменились после поступления в вуз: большинство информантов, выбравших «литературные» специальности первоначально, не ожидали того, что овладение ими поможет им значительно подняться по социальной лестнице. Во-вторых, оба информанта говорят о том, что в фундаментальном смысле не жалеют о своем выборе. Для них занятие литературой остается главным смыслом жизни. Они отдают себе отчет в том, что сознательно выбранная бедность может стать серьезным препятствием для выстраивания долгосрочных отношений с женщинами, однако если на двух чашах весов оказываются занятие литературой и отношения, то первая чаша перевешивает. Легитимацию добровольно избираемой бедности информанты находят в художественной литературе и биографиях писателей:

Все книги, которые я читал, говорят мне о том, что деньги не делают человека счастливым. Можно прожить вполне счастливую жизнь без всякого богатства. Понятно, что надо стремиться к балансу. Но это правило «золотой середины» настолько заезженно

и глупо, что ему невозможно и пошло следовать. В настоящей жизни должна быть жертва. В моем случае это деньги (Петр, 23 года).

У меня куча знакомых, которые уже сейчас зарабатывают намного больше меня. Но это очень плоские примитивные работы, на полный рабочий день. И когда я с ними встречаюсь, я не вижу в их лицах счастья. Они говорят, что просто ждут отпуска, чтобы потратить все заработанные деньги за две недели чилла. А я не устаю так сильно, как они. Я живу легче. Да, я не могу поехать в Турцию в 5 звезд, ну и что? На***я они мне нужны? (Олег, 22 года).

В нарративах информантов прослеживается постоянное противопоставление достойной скромной (если не сказать бедной) жизни и жизни с более высоким достатком, но пустой, пошлой и бессмысленной. Информанты видят карьерный выбор как головоломку без оптимального решения: с одной стороны, есть возможность сохранить существенное количество свободного времени и посвятить его литературному творчеству (или иным важным для информантов практикам), с другой — существуют относительно понятные пути «наверх», однако движение по ним сопряжено с отказом от собственного «я». Мы не беремся выносить суждения и называть такую картину мира искаженной, однако показательно, что информанты весьма противоречиво высказываются о тех, кому удалось добиться и финансового достатка, и достойной жизни, подразумевающей занятие тем, что «по нраву». Когда мы заговорили с одним из собеседников о том, что практически все сакральные авторы, ранее перечисленные им, в какой-то момент все же добились успеха, он продемонстрировал свое скептическое отношение к возможности такой траектории:

Давай будем честны, сколько ты знаешь великих, по-настоящему великих писателей, критиков, переводчиков или кого-то из литературной сфере, кто был бы и финансово успешен, и делал хорошее искусство? Единицы. Ну, просто единицы. По пальцам пересчитать. И опять же: кто эти люди, откуда они вышли, в какое время они жили? Тогда писателям все-таки как-то помогали менторы, в них верили издательства, богатые родственники, не было такого, чтобы человек из низов, один, все сам...Даже Буковски очень повезло в какой-то момент с издателем. А сейчас время другое, такая проза никому не нужна (Александр, 19 лет).

Второй значимый слом ожиданий касался устройства самого учебного процесса. В представлении большинства информантов обучение на «литературных» специальностях связывалось с возможностью творческой

самореализации, подразумевающей творческое письмо и углубленное чтение близких им образцов литературной культуры. Однако на практике они столкнулись с необходимостью углубленного изучения нескольких языков, чтением книг, которые они категоризовали как «неинтересные», а также со сложностями освоения тех «культурных кодов», которое от них ожидалось со стороны преподавателей.

Я английский сдал еле-еле для поступления, а там было два языка, изучение которых отнимало все свободное время, книжки задавали читать абсолютно мне неинтересные. И в какой-то момент я почувствовал, что в общем-то занимаюсь совсем не тем, чем хочу (Артем, 21 год).

Я стабильно получал чуть ли худшие баллы за все письменные работы в группе. Я с детства много читал, причем довольно сложных авторов, но, как выяснилось, создавать тексты наподобие литературоведческих у меня абсолютно не получалось (Максим, 22 года).

Исследователи утверждают, что студенты из непривилегированных социальных групп склонны рассматривать свои неудачи в учебном процессе как своего рода «врожденный порок», как некую врожденную невозможность добиваться успеха в интеллектуальных сферах деятельности ввиду «проклятья класса» (Andersen, Hansen 2012; Mallman 2017). Там, где студенты из «среднего класса» и из привилегированных семей склонны винить в своих неудачах различные факторы, студенты из непривилегированных семей винят, как правило, себя, причем такие обвинения практически не оставляют надежды на исправление ситуации. Эта гипотеза в целом скорее подтверждается нашими данными. Большинство наших информантов крайне критично оценивали как свои способности, так и выбор специальности. Оказалось, что обучение на «литературных» специальностях подразумевает не столько творчество, сколько освоение «культурных кодов», что стало весьма проблематичным для многих наших информантов. Эта проблематичность обусловлена как нежеланием осваивать эти коды, так, по-видимому, и неспособностью это сделать.

Еще одной общей чертой биографий наших информантов является их неспособность (или нежелание) «встроиться» в различные литературные сообщества за стенами учебных аудиторий¹. Причины такого положения

---

¹ Некоторые информанты говорили о том, что для них занятие литературой — вещь индивидуальная, в каком-то смысле тайная, что заставляет вспомнить работу Кайуа о детских сокровищах, обладание которыми, по мнению французского мыслителя, позволяет ребенку осознать собственную уникальную субъектность и обрести человеческое достоинство (Кайуа 2007).

вещей многообразны. Некоторые информанты предпринимают активные попытки подавать свои рукописи в различные журналы, посещают литературные клубы и в целом по мере возможностей стараются заводить «полезные» знакомства. Однако для большинства опыт активных действий в литературном поле оказывается если не неудачным, то как минимум не впечатляющим:

Ни один мой рассказ, ни один мой стих нигде не приняли, хотя они кажутся мне не позорными. Не знаю, с чем это связано. Я не верю в то, что везде блат. Может, я плохо пишу? Может. Но я же не слепой. Я могу сравнить свою прозу и прозу читаемых мною авторов. Разница есть, но не так, что я на их фоне дно какое-то (Егор, 19 лет).

Литературные клубы — это для бедных в духовном смысле. Это скучно. Я ходил, мне не понравилось, теперь я никуда не хожу. Мне это неинтересно. Литература для меня чтение и письмо — все. Говорить о литературе в таком формате как-то смешно. Детский формат. Литературу если и обсуждать, то дома за бутылкой водки. Я сейчас только пишу и пью (Даниил, 20 лет).

В данных нарративах сквозит разочарование. В первом случае мы имеем дело с непризнанием творчества информанта в литературном поле, причину которого он не в силах объяснить. Во втором случае мы наблюдаем отождествление литературной деятельности с «уходом в себя» и сопутствующей алкоголизацией. Мы довольно долго пытались выяснить у второго информанта, почему опыт посещения литературных клубов показался ему скучным, но не добились внятного ответа. Все формулировки были общими и размытыми. Однако, когда разговор уже не велся о литературных клубах, информант произнес довольно важную мысль: буквально с 14 лет он употреблял алкоголь, вел замкнутый образ жизни и сторонился компаний (в частности, потому что подвергался «в пацанских кругах тупым наездам»). Возможно, в данном случае резонным будет предположение о том, что, оказавшись в более благоприятной социальной среде, информант столкнулся с тем, что его габитус был не приспособлен к активному ведению социальной жизни. Закрепленные практики (выпивание, чтение и письмо в одиночестве), раньше воспринимавшиеся информантом как единственные способы сбежать от враждебного мира, по-видимому, становятся «железной клеткой», которую невозможно покинуть, даже если за ее пределами появились иные перспективы. Показательно, что в конце интервью, уже прощаясь, информант задался риторическим вопросом: «А зачем я вообще поступал в вуз и заигрывал с литературой как профессией?» Похоже, что выбор, совер-

шаемый после окончания школы «вопреки патриархатному успешному миру» в случае этого и других информантов остается преимущественно негативным. Этот выбор не предполагает позитивной программы действий, а если и предполагает, то избираемые стратегии действия оказываются недостижимыми. В этом контексте важно указать на то, что информанты, пытающиеся «пробиться вверх» по «литературной лестнице», являются единичными случаями в нашей выборке. Большинство, напротив, демонстрируют поразительную неосведомленность о том, как устроено российское (и тем более мировое) литературное поле. Они не читают современную российскую прозу (например, толстые журналы), крайне редко посещают литературные мероприятия и в целом, если так можно выразиться, «плывут по течению». Один из информантов отмечает, что его жизнь с поступлением в вуз стала немного спокойнее, потому что не приходится встречаться с неприятными ему школьными знакомыми, но в остальном «время как будто застыло»:

Мне кажется, я просто застрял в какой-то петле. Я не знаю, на что я рассчитывал. Наверное, на то, что я буду возвращаться в литературных кругах, но я все так же преимущественно сижу дома, читаю книжки, иногда выпиваю, созерцаю мир, да и все. Учеба не особо нравится, но и не вдохновляет (Олег, 22 года).

Добровольная изоляция — крайне часто встречающийся мотив в рассказах наших информантов. Как мы уже писали выше, чтение действительно подразумевает времяпрепровождение в одиночестве, однако оно, разумеется, вовсе не обязательно предполагает отказ от социальных контактов и социальной мобильности. Однако наши информанты, по-видимому, находят созерцательную установку наиболее привлекательным способом жизни. Интересно, что отказ от действия становится главной стратегией действия. Тяжело сказать однозначно, почему информанты приходят именно к такому образу жизни. Морализатор мог бы сказать, что речь идет о банальном инфантилизме и нежелании предпринимать какие-либо усилия для достижения чего-либо в социальной реальности. Но откуда берется этот инфантилизм? Возможно, ввиду пережитого опыта стигматизации информанты боятся контактов с внешним миром. Эта гипотеза оказывается верной лишь отчасти. Один из информантов действительно указывает на то, что печальный детский и подростковый опыт сделали его крайне стеснительным, из-за чего ему крайне тяжело общаться с малознакомыми людьми. Для выстраивания коммуникации он часто использует алкоголь, что уже приводило его к неоднозначным последствиям:

Я в группе вообще долгое время не мог ни с кем заговорить, хотя ребята, в основном девочки, в целом были вроде нормальные. Потом мы как-то выпивали после пар, я жутко напился, и был звездой вечера. Но потом мне было стыдно, хотя отчасти я был доволен собой. Странное ощущение (Тимур, 22 года).

Похоже, опыт гендерной стигматизации «работает в связке» с формированием «созерцательной установки», которая формируется посредством увлеченного чтения. Эта установка оказывается настолько влияющей, что необходимость в действии практически отпадает. Информанты, осознавая странность своего положения, тем не менее находят его в чем-то привлекательным:

Я очень мало чего делаю. Я очень много читаю. Много гуляю. Много пишу. Не публикуюсь. Но мне кажется, я вижу мир как-то иначе, не как мое бывшее окружение. Ну, как бывшее. Семья все та же. Но они не понимают, как так можно жить. Бездеятельно. Но во мне куча всего происходит, как в текстах Берроуза, Гинзберга. Ничего не происходит снаружи, все внутри (Максим, 22 года).

Тяжело сказать, в какой момент сознательный отказ от действий (и, по видимому, от успеха) превращается в неспособность действовать. Некоторые информанты признаются, что им становится тяжело различать нежелание что-либо делать ввиду собственных ценностных установок и нежелание прикладывать какие-либо усилия в принципе. Один из информантов сравнил свое повседневное состояние с «опасным блаженством», суть которого сводится

к тому, что тебе и так почему-то хорошо. И ты в какой-то момент начинаешь задумываться, а действительно ли хорошо, что тебе нравится ездить на трамвае, работать за гроши в книжном, прогуливать пары, ходить в одной и той же нестиранной майке, а все свободное время что-то строчить и читать многотомные романы Вулфа? Сколько так может продолжаться? Но если мне это нравится — это плохо или нет? (Павел, 21 год).

Эстетизации подвергается и алкогольный опыт. Практически все наши информанты употребляют алкоголь в значительных количествах, но в их описаниях выпивание превращается в «акт», в «метафизическое приключение», по их словам, имеющее мало общего с теми, как, например, выпивали их отцы или друзья со двора. Но что примечательно, информанты нередко затрудняются более или менее подробно описать, в чем эти отличия заключаются.

Мой отец алкаш. Ну, может, и я алкаш. Но я пью по-другому. Я включаю рок 70-х, могу нажраться вхлам, начать писать каким-то знакомым в соц. сетях, потом на утро а...ю от того, что я наговорил там. Но сообщения прям иногда талантливые получаются. Наверное, люди а***ют от таких моих эскапад. Но, знаешь, в этом есть что-то великое. Как когда условный Эдгар Алан По умирает одиноко в баре. Вроде обычный пьяница, но великий человек (Глеб, 20 лет).

В оправданиях своего выпивания информанты нередко ссылаются на сакральные для них литературные фигуры, многие из которых действительно страдали алкоголизмом. Культовые авторы являются своего рода «легитимирующими инстанциями» для различных деструктивных практик.

Нам кажется важным вернуться к обсуждению книг, читаемых нашими информантами, и их авторам. Несмотря на относительное разнообразие перечисленных литературных образцов и персоналий, нельзя не заметить, что особое место в литературном пантеоне информантов занимает творчество битников. Феномен битничества в целом можно рассматривать как одно из направлений контркультуры, зародившейся в 1950-х годах в Америке (Roszak 1969; Leech 1973). Образ жизни битников (и при некоторых оговорках — хиппи) подразумевал так называемый Великий отказ от капиталистических ценностей. Битники исповедовали активное употребление психоактивных веществ, отказ от традиционных процессов социализации, бродяжничество, свободное творчество и свободу сексуальных отношений. Нетрудно заметить, что перечисленный перечень практик во многих аспектах совпадает с теми, которых придерживаются наши информанты. Однако между битниками и нашими информантами существуют два значимых отличия. Во-первых, большинство битников (и хиппи) принадлежали среднему классу. Их отказ от ценностей своего класса был обратимым в том смысле, что при каких-либо сложностях они практически всегда могли вернуться в «родительский дом», где им оказали бы финансовую поддержку и, вероятно, даровали бы прощение за неосмотрительное отречение от «цивилизованного мира». Так, в уже обсуждавшемся выше романе «Дорога» Керуак честно признается в том, что, когда испытывал финансовые трудности в своих скитаниях, просил деньги у матери. Великая депрессия оказала негативное влияние на финансовое положение его семьи, но он, даже покинув семью, чувствовал финансовый и эмоциональный тыл за своей обдуваемый всеми ветрами Америки спиной. Наши информанты в большинстве своем лишены «подушки безопасности» в лице состоятельных и понимающих родителей,

поэтому их выбор кажется еще более радикальным и смелым, полным неожиданностей, но позволившим им сохранить достоинство (Lamont 2000; Sennet 2003; Hodgkiss 2011). Во-вторых, в отличие от битников и хиппи, наши информанты не предпринимали активных поисков нового для себя сообщества, к данному моменту они так и остаются, по меткому выражению Бурдьё, «людьми транзита» (Bourdieu 2007) между старым патриархатным миром и новым еще не оформившимся (в их представлении) миром литературного поля, связанным с иными возможностями.

Заключение

Мы попытались проанализировать сложное взаимодействие социально-культурных феноменов (в числе которых гендерная стигматизация и увлечение контркультурной литературой), ведущих молодых людей из семей с низким СЭС к выбору «литературных специальностей», а также парадоксы, связанные с этим выбором. С одной стороны, большинство информантов подчеркивают, что не жалеют о своем выборе, поскольку он позволил сохранить им достоинство. Такая стратегия во многом обусловлена влиянием контркультурной литературы, критикующей буржуазный мир с его стремлением к финансовому обогащению. Наши информанты практически во всех интервью подчеркивали, что гордятся тем, что сознательно не связывали выбор будущей специальности с экономическими перспективами, тем самым пойдя наперекор стратегии «соглашательства», суть которой, по их мнению, состоит в обмене своего свободного времени на труд, который не приносит удовольствия и не способствует самореализации, но приносит существенные экономические дивиденды. Однако за этой декламируемой гордостью скрываются множество противоречий и травм. Во-первых, информанты, видевшие в «литературных» факультетах островки, свободные от патриархатной логики, столкнулись с тем, что там она актуальна не в меньшей степени, чем в их предыдущих социальных группах. Во-вторых, со временем (не в последнюю очередь из-за желания вступить в долгосрочные отношения) информанты начинают все отчетливее осознавать финансовые трудности, с которыми им придется столкнуться (или с которыми они уже сталкиваются). На данном временном этапе их жизни это беспокойство пока не ведет к попыткам смены профессиональной траектории, однако в дальнейшем было бы эвристически полезно изучить, как будет складываться их профессиональная (и человеческая) судьба. В-третьих, информанты продолжают сталкиваться с непониманием и стигматизацией со стороны членов семей, воспринимающих их выбор как бесперспективный и «неумужской». Наконец, в-четвертых, из-за своей неспособности (нежелания)

овладевать культурными кодами интерпретации предлагаемых учебными программами произведений (а также нежеланием многие из этих произведений читать, как и изучать языки) многие информанты приходят к выводу о том, что они профессионально непригодны. Ввиду этих обстоятельств некоторые информанты допускают мысли о том, что им не следовало связывать свою профессиональную траекторию с литературой, а зарезервировать за последний статус «хобби» или «отдушины». Впрочем, такие высказывания остаются достаточно редкими.

В завершение важно отметить, что практически все наши информанты крайне скудно осведомлены об устройстве российского (и тем более мирового) литературного поля. Несмотря на то что многие из них высказывали желание стать писателями, редакторами в крупных художественных журналах, литературными критиками или кем-то еще, практически никто не смог назвать хотя бы несколько известных литературных журналов. Попытки подать свои произведения куда-либо для публикации имели спорадический и случайный характер и всегда заканчивались отказом.

В интервью информанты демонстрировали удивительную уверенность в том, что само по себе образование увеличит их культурный и символический капитал, в то время как они сами едва ли предпринимали активные попытки добиться признания в литературном мире. Такая ситуация не имеет простого объяснения. Некоторые информанты связывали свою пассивность со скудным культурным капиталом (классовым наследием) и как следствие с неспособностью разобраться в сложном литературном мире и наметить оптимальные и наиболее реализуемые пути для достижения хоть какого-нибудь признания. В данном случае восприятие себя как неспособных достичь успеха в литературной среде блокирует разработку каких бы то ни было стратегий действия, направленных на успех. Интересно, что такая пассивность подкрепляется избираемым стилем жизни информантов. Многие из них сравнивают свои жизненные траектории и повседневные практики с представителями литературной контркультуры (особенно битниками). Такое сравнение приводит к легитимации обильного употребления алкоголя, принятию скромных бытовых условий жизни и, как ни странно, нередко способствует стигматизации женщин. Наши информанты, являясь людьми транзита, «узниками настоящего», находятся в постоянных поисках себя (выражаясь словами Энн Свидлер, пребывают в нестабильных периодах своей жизни) и активно используют литературные нарративы для поиска своего места и смысла в жизни, однако патриархальные (и классовые) установки, имплементированные ими в детстве и подростковом возрасте, вступают в противоречия

с новыми стилями жизни, заставляя постоянно выбирать между разными социальными мирами. Как метко резюмировал один из наших информантов, сложное сочетание индивидуально-социальных обстоятельств жизни привело их в ситуацию «выбора без выбора», когда любое действие в их глазах сулит больше издержек, нежели дивидендов.

Литература / References

Аръес Ф. (1999) *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Aries F. (1999) *The Child and Family Life under the Old Regime*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta (in Russian).

Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс: 61–272.

Weber M. (1990) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress: 61–272 (in Russian).

Гибсон Дж. (1988) *Экологический подход к зрительному восприятию*. М.: Прогресс.

Gibson J. (1988) *An Ecological Approach to Visual Perception*. Moscow: Progress (in Russian).

Гоффман Э. (2017) *Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ*. М.: Элементарные формы.

Goffman E. (2017) *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. Moscow: Elementarnye formy (in Russian).

Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б. (1980) *Социология контркультуры*. М.: Наука.

Davydov Yu.N., Rodnyanskaya I.B. (1980) *Sociology of Counterculture*. Moscow: Nauka (in Russian).

Изер В. (2004) Процесс чтения: феноменологический подход. В кн.: Кабанова И.В. (ред.) *Современная литературная теория. Антология*. М.: Флинта; Наука: 201–224.

Izer V. (2004) The Reading Process: A Phenomenological Approach. In: Kabanova I.V. (ed.) *Contemporary Literary Theory. An Anthology*. Moscow: Flinta; Nauka: 201–224 (in Russian).

Иллуз Е. (2022) *Почему любовь уходит? Социология негативных отношений*. М.: Директ-Медиа.

Illuz E. (2022) *Why Does Love Go Away? Sociology of Negative Relationships*. Moscow: Direkt-media (in Russian).

Кайуа Р. (2007) *Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры*. М.: ОГИ.

Caillois R. (2007) *Games and People; Articles and Essays on the Sociology of Culture*. Moscow: OGI (in Russian).

Корбут А.М. (2016) Потерянное колено этнометодологии. *Социологическое обозрение*, 15(3): 223–233.

Korbut A.M. (2016) The Lost Knee of Ethnomethodology. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 15(3): 223–233 (in Russian).

Лукина А.Н. (2023) Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании. *Вопросы образования*, 2: 133–160.

Lukina A.N. (2023) Educational Trajectories of First-Generation Students as a Case of Inequality in Higher Education. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues], 2: 133–160 (in Russian).

Савкина И.Л. (2023) Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение.

Savkina I.L. (2023) *Paths, crossroads and dead ends of Russian women's literature*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Самутина Н. (2013) Великие читатели: фанфикшн как форма литературного опыта. *Социологическое обозрение*, 12(3): 137–194.

Samutina N. (2013) Great readers: fan fiction as a form of literary experience. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 12(3): 137–194 (in Russian).

Тевено Л. (2018) Жизнь как испытание. *Неприкосновенный запас*, 3: 3–29.

Thevenot L. (2018) Life as a test. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency reserve], 3: 3–29 (in Russian).

Яусс Х.-Р. (1995) К проблеме диалогического понимания. *Вопросы философии*, 12: 96–107.

Jauss H.-R. (1995) On the problem of dialogical understanding. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 12: 96–107 (in Russian).

Andersen P., Hansen M. (2012) Class and Cultural Capital: The Case of Class Inequality in Educational Performance. *European Sociological Review*, 28(5): 607–621.

Bourdieu P. (2007) *Sketch for a Self-Analysis*. Chicago, IL; London: The University of Chicago Press.

Brainerd C., Marche T. (2011) The role of phantom recollection in false recall. *Memory & Cognition*, 40: 902–917.

Bridges T., Pascoe C. (2014) Hybrid Masculinities: New Directions in the Sociology of Men and Masculinities. *Sociology Compass*, 8(3): 246–258.

Epstein D. (2004) Real boys don't work: 'underachievement', masculinity, and the harassment of 'sissies'. In: Epstein D., Elwood J., Hey V., Maw J. (eds.) *Failing Boys? Issues in gender and achievement*. New York: Open University Press.

Felski R. (2008) *Uses of Literature*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing.

Fluck W. (2013) Reading for Recognition. *New Literary History*, 44: 45–67.

Hochschild A. (1983) *The Managed Heart*. Berkley, CA: University of California Press.

Hodgkiss P. (2013) A moral vision: human dignity in the eyes of the founders of sociology. *The Sociological Review*, 61: 417–439.

Holt D. (1934) Does Cultural Capital Structure American Consumption? *Journal of Consumer Research*, 25: 1–25.

Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.

Jayyusi L. (1984) *Categorization and the Moral Order*. Boston, MA: Routledge & Kegan Paul.

Lamont M. (2000) *The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

La Pierre R. (1967) Attitudes vs Actions. *Social Forces*, 13(2): 230–237.

Leech K. (1973) *Youthquake. The growth of counter-culture through two decades*. London: Sheldon Press.

Liu Y., Yu X., An F., Wang Y. (2023) School bullying and self-efficacy in adolescence: A meta-analysis. *Journal of adolescence*, 95(8): 1541–1552.

Mallman M. (2017) The perceived inherent vice of working-class university students. *The Sociological Review*, 65(2): 235–250.

Radway J. (1984) *Reading the Romance: Women, Patriarchy, and Popular Literature*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.

Reay D., Crozier G., Clayton J. (2009) Strangers in paradise? Working-class students in elite universities. *Sociology*, 43: 1103–1121.

Roszak Th. (1969) *The making of counter-culture: Reflections on the technocratic society and its youthful opposition*. Garden City, NY: Doubleday & Company Inc.

Sacks H. (1966) *The Search for Help: No One to Turn to*. PhD Dis. Berkeley, CA: University of California.

Sennett R. (2003) *Respect. The Formation of Character in a World of Inequality*. New York: W.W. Norton.

Silva J. (2013) *Coming Up Short: Working-Class Adulthood in an Age of Uncertainty*. New York: Oxford University Press.

Swidler A. (1986) Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*, 51: 273–286.

Thumala Olave M.A. (2017) Reading matters: Towards a cultural sociology of reading. *American Journal of Cultural Sociology*, 6(3): 417–454.

Walker C. (2022) Remaking a “Failed” Masculinity: Working-Class Young Men, Breadwinning, and Morality in Contemporary Russia. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 29(4): 1474–1496.

Willis P. (1977) *Learning to Labor: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*. New York: Columbia University Press.

THE AMBIVALENT ROLE OF ENGAGEMENT WITH LITERATURE IN THE FORMATION OF HYBRID MASCULINITIES AMONG YOUNG MEN FROM LOW SOCIOECONOMIC STATUS FAMILIES

Maxim P. Kotelnikov (maximant13@yandex.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Kotelnikov M.P. (2025) The ambivalent role of engagement with literature in the formation of hybrid masculinities among young men from low socioeconomic status families. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 146–176 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.7>
EDN: KMONJM

Abstract. The article is devoted to the analysis of socio-cultural reasons influencing the choice of “literary” specialties by young people from families with low socioeconomic status, as well as the contradictions, difficulties and advantages associated with this choice. Based on in-depth interviews with 11 informants from various cities of Russia (current and recent students), the author argues that such a choice is mainly determined by two factors: gender stigmatization and avid reading of non-conformist literature. Gender stigmatization experienced in childhood and adolescence in this case is associated with the inability (and / or unwillingness) of informants to “fit into” the patriarchal canon of behavior. The experience of enduring such stigmatization makes informants try to distance themselves from the hostile world and find new sources of understanding it. Such a means is reading non-conformist literature, which contains narrative models of hybrid masculinities that informants strive to practice. Enrolling in literary majors seems to them to be a chance not to betray their ideals (the desire to study literature) and to find themselves in a less patriarchal environment. Despite the declared pride in their choice, informants face a number of difficulties: the persistence of patriarchal attitudes in the academic environment, financial instability, lack of understanding from their families, and a feeling of professional inadequacy. Some study participants hoped that education would automatically provide them with cultural and symbolic capital, but did not take active steps to integrate into the literary field. Their passivity is explained by both a lack of cultural capital and an internal conviction that it is impossible to succeed in the chosen field. This attitude is additionally reinforced by the chosen lifestyle, inspired by nonconformist literary narratives (in particular, the aesthetics of the beatniks), which, in turn, leads to the normalization of poverty, abundant alcohol consumption, and, often, the reproduction of some patriarchal stereotypes of behavior.

Keywords: gender, fiction, masculinity, higher education, patriarchy, stigma, counterculture.

Acknowledgement

The article was prepared as a result of research conducted within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE).